

ИРИНА
ЧАЙКОВСКАЯ
Бостон

СПАСШАЯСЯ ОТ МИНОТАВРА

Из глубины взываю...
(Псалом 129)

Пепел Клааса стучит в мое сердце!
(Шарль де Костер. Легенда об Уленшпигеле)

Эту книгу¹ читать больно. Большая ее часть — два тома — письма Ариадны Эфрон из лагеря и туруханской ссылки. Немного переводишь дух на третьем томе, но и там далеко не малиновый сироп — рассказ Али о матери, Марине Цветаевой, чья судьба воистину обжигает.

Вся семья Ариадны Эфрон так или иначе сгинула в сталинское лихолетье.

В подвалах Лубянки был казнен отец, бывший белый офицер, в эмиграции, «во искупление своей вины перед Родиной», ставший советским разведчиком. Родина отблагодарила его пулей в затылок.

В 1944 году погиб на фронте оставшийся «навечно девятнадцатилетним» брат Ариадны, Георгий (Мур).

В самом начале войны, в эвакуации, в Елабуге, повесилась мать, Марина Цветаева, не пожелавшая длить свою безнадежную схватку с судьбой.

Сестра матери, Анастасия Цветаева, более 20 лет провела в лагере и ссылке.

В декабре 1951 года в тюрьме был расстрелян человек, которого Ариадна звала «мой первый и последний муж», Самуил Давидович Гуревич.

Десятки людей, близких цветаевской семье и упоминаемых в письмах, были (как указано в комментариях) репрессированы, попали в советскую тюрьму или лагерь, были убиты по бессудному приговору «Тройки». Из друзей семьи уце-

лели немногие случайно выжившие, а также те, кто после революции эмигрировал в Европу, в Россию не вернулся и, сумев пережить Вторую мировую, после нее окопался где-нибудь на берегах Темзы, Сены или Гудзона.

И вот читаешь эту книгу — и «пепел убитых» начинает стучать в сердце. Кстати, это выражение рефреном проходит через весь трехтомник. Поневоле задумываешься: как, почему эти люди должны были пройти через ад? Почему до сих пор никто за это не ответил и никто перед ними (или перед их прахом) не повинился? Почему здание Лубянки спокойно стоит на том же месте и в нем, как ни в чем не бывало, работают сотрудники? В ситуации, когда не было ни раскаяния, ни покаяния, ни каких-нибудь слушаний или судов над большими и малыми заплочных дел мастерами, не ощущают ли они себя «продолжателями и наследниками» кровавого дела истребления своих братьев, может быть, лучших из тех, кто жил на этой земле? Но к этим мыслям, не оставлявшим меня при чтении трехтомника, я еще вернусь. А пока — о самой книге и об ее героине, Ариадне Сергеевне Эфрон.

Какой она была в детстве, если кто не слышал о чудо-ребенке, дочери Цветаевой, можно узнать из автобиографических воспоминаний третьего тома, где приводятся ее детские дневниковые записи. Нет, не даром «Марина» («Марина» и «Вы» — так, по примеру отца, называла Ариадна свою суровую маму) гордилась Алей, включала эти записи в свои ранние книжки. Действитель-

Ариадна Сергеевна Эфрон. Лагерная фотография, 1946-47

но, трудно поверить, что это пишет шестилетний ребенок:

Моя мать

Моя мать очень странная.

Моя мать совсем не похожа на мать. Матери всегда любят на своего ребенка, и вообще на детей, а Марина маленьких детей не любит... Она пишет стихи. Она терпелива, терпит всегда до крайности. Она всегда куда-то торопится. У нее большая душа. Нежный голос. Быстрая походка. У нее глаза почти всегда насмешливые...

Декабрь 1918

Или о Блоке, через два года:

Вечер Блока

Деревянное лицо вытянутое. Темные глаза опущенные, неяркий сухой рот, коричневый цвет лица. Весь как-то вытянут, совсем мертвое выражение глаз, губ и всего лица...

¹ Ариадна Эфрон. История жизни, история души. В трех томах. М., Возвращение, 2008, сост. Р. Б. Вальбе

Читает деревянно, сдержанно, укороченно. Очень сурово и мрачно.

(о лице слушающей Марины) в ее лице не было радости, но был восторг.

15 мая 1920 г.

Для Цветаевой, «не терпевшей ничего облегченного», своей «безмерностью» ставившей в тупик многих взрослых, маленькая Аля была и собеседницей, и прилежной ученицей, и верным обожающим рыцарем. Особенно усилилась ее роль «охранительницы» матери в отсутствии отца, отправившегося в Лебединый стан — Белую армию. Зимой 1920 года в кунцевском приюте от голода умрет и будет похоронена «в общей яме» Ирина, трехлетняя дочь Марины и Сергея.

Цветаева жертвует младшей девочкой ради Али, взятой ею домой из «смертельного» приюта. Запретительно тяжелый выбор был вызван отчаянной ситуацией — голодом и холодом послереволюционных лет и полным отсутствием какой-либо материальной поддержки.

У чудо-ребенка было непростое имя — Ариадна, вызывавшее ассоциации с греческой древностью, ариадниной нитью, полубыком-получеловеком Минотавром и вы-

зволненным царевной из Лабиринта неверным и неблагодарным Тезеем... В одном из писем из туруханской ссылки Ариадна Сергеевна задумывается: что было бы, зовись она не Ариадна, а, скажем, Александра... Может быть, и судьба была бы другая, помилостивее? А так... В письмах А.С. к немногим близким, оставшимся в живых, не раз и не два возникает тема Рока, висящего над семьей и неотвратимо наступающего ее членов. От ненасытной пасти плотоядного Минотавра Ариадну спасло чудо, а еще сознание: она должна выжить, чтобы сохранить, разобрать и откомментировать материнские рукописи, которым — она не сомневалась — суждена долгая жизнь.

В письмах — к московским «теткам», к Анастасии Цветаевой, также находящейся в лагере, — после получения страшной вести о самоубийстве матери мысль эта проходит как заклинание:

«Если бы я была с мамой, она бы не умерла. Как всю нашу жизнь, я неслась бы часть ее креста, и он не раздавил бы ее. Но все, что касается ее литературного наследия, я сделаю. И смогу сделать только я».

«Скоро-скоро займет она в советской, русской литературе свое большое место, и я должна помочь ей в этом. Потому что нет на свете человека, который лучше знал бы ее, чем я».

... «Об этом я впоследствии напишу книгу, и тогда хватит слов и все слова встанут на место».

«Осталось одно-единственное неисправимое, неизлечимое, неискоренимое горе — мамина смерть. Она со мной, во мне, всегда — как мое сердце... В конце августа 41 г. несколько дней подряд мне среди стука и гула швейн(ых) машин нашей мастерской все чудилось, что меня зовут по имени, так явственно, что я все отзывалась. Потом прошло. Это она звала меня. Мы с тобой (адресовано Анастасии Цветаевой, — И.Ч.) будем жить и встретимся. По кусочкам, клочкам, крошкам, крупичкам мы соберем, воссоздадим все. В памяти моей все цело, неприкосновенно. Целый мир...».

«... я ее знаю, как будто бы сама родила ее... Я очень прошу Вас, Ася, пережить это тяжелое время, до-

жить до нашей встречи. Я решила жить во что бы то ни стало. Моя жизнь настолько связана с ее жизнью, что я обязана жить для того, чтобы не умерло, не пропало бесповоротно то ее, то о ней, что я ношу в себе».

(Из лагерных писем 1942-1944 г.г.)

Даже из этих кусочков видно, как тесна и мистериальна была связь матери и дочери, какой силы была привязанность Али, как безошибочно, словно прорицательница Кассандра, предрекла она грядущую славу Цветаевским стихам и свою роль в воссоздании материнского наследия.

Отношения матери и дочери не были равными на протяжении жизни. В письмах и комментариях к ним можно отыскать эти шероховатости (о составителе и комментаторе книги Руфи Борисовне Вальбе скажу особо). Из России в Европу уезжали тридцатилетняя Марина и десятилетняя Аля. Чудо-ребенок, тень Марины, превратился в глазастого подростка, затем в красивую, большеглазую, улыбчивую девушку. Как они, эти мать и дочь, смотрели друг на друга и смотрелись друг в друге? Марине не хватало во взрослой Але ее собственных черт: резкости, «непохожести» на других — слишком спокойна, ровна, слишком всем нравится. Цветаева даже слегка ревнует к дочери своих кавалеров. Не в мать Аля и тем, что смешлива, любит веселье. Умеет делать ручную работу, вязать, мастерить — Марине эта работа не дается, да и в тягость. Цветаева за границей зарабатывает (хоть и скудно) стихами, Аля — вяжет, делает шапочки на продажу. Она основной добытчик семьи². Роли распределены будто между евангельскими Марией и Марфой. Для того, чтобы одна могла выполнять свой ежедневный поэтический «урок», другая должна заботиться о материальном, нянчить Мура, заниматься хозяйством и... не посещать школу.

Как воспринимала Аля такое положение дел? Случалось, взбрыкивала, восставала. Однажды ушла из дому. Неистовая в своем материнском рвении, Марина даже дневники дочери прочитывала (как впоследствии — Мура). Юная Ариадна пытается вырваться из-под чересчур тиранической опеки матери, тянется

Аля с матерью, Париж, 1925

Марина Цветаева (слева) с Алей на руках, Сергей Эфрон (стоит слева) и семья Анастасии Цветаевой. Александров, 1916

к отцу, к его друзьям и к новой жизни, связанной с идеей возвращения на родину. В Советскую Россию она уезжает первая, 15 марта *того самого* 1937 года.

Устоявшийся стереотип: чудоребенок с течением времени превращается в обыкновенного. С легкой руки самой Ариадны Сергеевны этот стереотип стал применяться и к ней. В «Страницах былого» (3-й том настоящего издания) А.С. пишет о себе, одиннадцатилетней, вернувшейся из короткого «самостоятельного плавания» — русской гимназии-интерната для детей беженцев в Тшебове. При этом видит она себя как бы глазами своей взыскательной матери: «Да, я, дитя ее души, опора ее души, я подлинность своей заменявшая ей Сережу все годы его отсутствия; я, одаренная редчайшим из дарований — способностью любить ее так, как ей нужно было быть любимой; я, отроду понимавшая то, что знать не положено, знавшая то, чему не была обучена, слышавшая, как трава растет и как зреют в небе звезды... я становилась *обыкновенной девочкой*».

Сам этот поразительный по красоте и отточенности пассаж говорит об обратном. Нет, не обыкновен-

Марина с сыном Муром, 1928

ный человек это написал! И как бы А.С. ни заговаривала сама себя и своих собеседников разговорами о своей «нетворчесткости» в отличие от гениальной матери («Душа у нее была страстная, творческая. А я тихая,

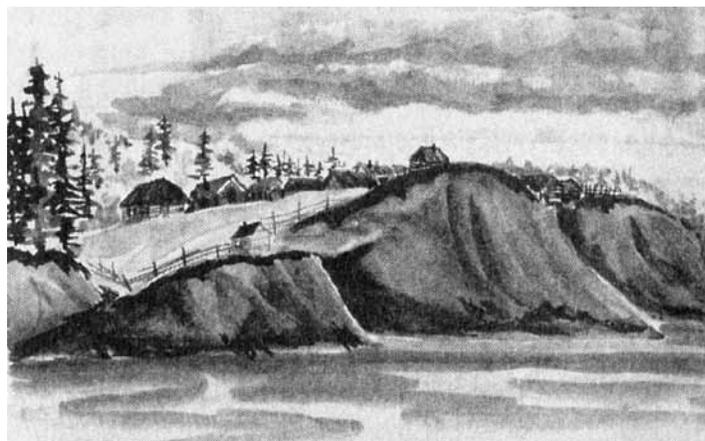
и не творчество у меня, а восприимчивость», из письма к А.Цветаевой, 1944), прочитав эти три тома писем, прозы и стихотворных переводов, можно сказать без колебаний: *Талантлива! Не обыкновенна!* И речь идет не только о неоспоримом литературном даре, но и о редчайшем таланте человека.

О человеческих свойствах Ариадны Эфрон говорят ее письма. Даже не зная отзыва ее «сокамерницы» Надежды Канель: «...очень скоро поняла, что таких хороших, как Аля, — нет», даже пропустив обращенные к Ариадне слова лагерного художника: «Вы хоть и неверующая, а самая настоящая христианка», читая эти письма, невозможно не ощутить, каким лучезарным человеком она была. Письма писались — самым близким, с оглядкой на цензу-

ру, с желанием «не повредить» адресату.³ Можно представить, как пришлось в тюрьме и лагере — ей, бывшей «парижанке», только-только начинавшей в те два года, что были отпущены ей до ареста, приобщаться к московской жизни, к работе в Жургазе. Так и кажется, что письма из лагеря должны быть наполнены жалобами и просьбами. Но нет. Из просьб — только одна, повторяемая из раза в раз: пришлите фотографии мамы, отца, Мура и ее, Али, когда была еще вместе с семьей. В письмах — боль, что не попрощалась с ма-

мой — думала, что скоро вернется⁴, бесконечная благодарность Елизавете Яковлевне Эфрон и живущей с ней Зинаиде Митрофановне Ширкевич — за весточки, за посылки, собранные старыми и больными руками, за то, что они — дом, куда тянет и куда хочется скорее вернуться. «Родные мои, переживите как-нибудь всю эту историю, живите, — как мне хочется отдать вам все свои силы, чтобы поддержать вас. Но сейчас я ничего не могу сделать. Зато потом я сделаю все, чтобы вы были спокойны и счастливы. И так будет» (1942 г.). И так было — Аля и здесь оказалась пророчицей, но ждать пришлось долгих и кромешных 16 лет.

Из лагеря в октябре 1942 года Аля пишет тетушкам о брате: «Лилечка, у вас там остались папины вещи, кое-что из них нужно про-

Станок. Акварель Ариадны Эфрон

дать для Мурзила, принимая во внимание, что вещи — восстановимы и что мальчишке, который вот-вот будет призван на фронт, необходимо обеспечить нормальное существование». Старшая сестра из лагеря, где в «условиях военного времени» введен 12-часовой рабочий день, где хлеб выдается «по выработке», просит позаботиться о младшем братишке, которому не исполнилось еще и 17-и и который один, как и она, проходит свой крестный путь. Аля яростно вступает за Мура в переписке с Анастасией Цветаевой, возмущавшейся тем, что мальчик в письмах обозначает мать инициалами. Со своей «тройной» интуицией (врожденной, наследственной и благоприобретенной), Ариадна понимает, что «боль свою он несет глубоко в себе... не желает делиться ею ни с кем» (из письма 1944 года).⁵ Много позже, в 1960 году, уже вернувшись с поселения, А.С. резко порвет с Анастасией Цветаевой, причем одним из поводов для жесткого, «сжигающего мосты» письма Ариадны к своей тете будет именно Мур: «*Как просто! Как просто обвинить мальчишку*⁶, который не может оправдаться — маминного любимого мальчика!..» (том второй, письма 1955-1975). Мур доказал свою любовь и преданность матери уже тем, что сохранил ее рукописи — провезя их через свои ташкентские странствия. В 1965 году, после выхода книги Марины Цветаевой в Большой серии «Библиотеки поэта», Ариадна Эфрон пишет Владимиру Орлову: «...поблагодарим за это от имени всех нынешних и будущих читателей — шестнадцатилетнего мальчика, так жестоко осиротевшего, голодного, больного, сумевшего сохранить и спасти то, чему цены нет и что невозможно восстановить, как сама жизнь».

Нелюбовь Ариадны Сергеевны к Николаю Асееву, тон ее писем к нему, так явственно отличающийся от интонации писем к родным или к Борису Пастернаку, можно объяснить в первую голову тем, что не выполнил он предсмертной мольбы Цветаевой-матери — взять к себе Мура и воспитать его как сына (материнское «моление о чаше»)⁷.

На примере переписки Ариадны Эфрон с Анастасией Цветаевой, весь спектр отношений которых

разворачивается буквально на глазах читателя, осмелюсь утверждать, что трехтомник представляет собой своеобразный роман, точно названный составителем «История жизни, история души». Невыдуманный этот роман дает нам динамический срез самых разнообразных человеческих отношений и чувств на протяжении десятилетий. Его героиня — Ариадна Эфрон. Вглядимся же в «адресатов» этого «эпистолярного романа».

И первый, о ком хочется сказать, — человек, верность которому Ариадна хранила всю жизнь, — Самуил Давидович Гуревич, Муля. О нем — через шесть лет после реабилитации в письме к Владимиру Орлову: «...и даже муж был — такой, который даруется единожды в жизни,

С.Д. Гуревич (Муля), 1941

да и то не во всякой!» Встретила его Аля в Жургазе, эта любовь давала ей силы выдержать лагерь, письма к нему нельзя читать без слез. «Мулька, я ужасно жду тебя, я надеюсь, что ты сможешь приехать, мне это просто необходимо. Хочется набраться от тебя немного сил, помнишь, как в мифологии Антей должен был прикасаться к земле, от которой брал животворящую силу. Ну, так вот, ты моя земля» (Княжпогост, 1941).

Самое чудесное в этой истории то, что Муля приехал. Это случилось сразу после войны; за полтора года до этого Ариадну, отказавшуюся «стукачить», перевели в штрафной лагерь на Севере, на лесоповал. Муля сумел ее вызволить оттуда, добившись перевода в Мордовию, чем спас от неминуемой гибели. Аля счи-

тала Самуила Гуревича своим мужем, свои письма к ней он подписывал: «твой муж», но «на воле» была у него жена, и Аля ее знала. Когда 31 декабря 1951 года (дата выяснена Р.С. Вальбе, — И.Ч.) Муля был расстрелян в тюрьме, жена его тут же вышла замуж за другого. Узнав об этом, Аля пишет их общей знакомой Н.В.Канель: «За эти годы мой разум научился понимать решительно все, а душа отказывается понимать что бы то ни было... «естественное» для Шуры (жены С.Д.Гуревича, — И.Ч.) было противоестественным для меня...» (1954, Туруханск). С тех пор А.С. несла свою боль, как Мур, «глубоко в себе, не желая ею делиться ни с кем», рана эта была из незаживающих.

Хотелось бы больше знать о Самуиле Гуревиче. Его любили, благодарно о нем отзывались в письмах и дневниках Марина Цветаева и Мур — Муля всячески помогал им после ареста Али. Зная то время, понимаешь, что был он под колпаком всевластных «органов», опутан их скользкими, несущими гибель щупальцами. В ситуации непроясненности понятно одно: единственная и нашедшая ответ любовь Ариадны Эфрон затемнена была тяжелыми обстоятельствами кромешного времени. Жертвой этого времени стал и любимый Алей Муля — какой по счету из ее близких?

На втором после Гуревича месте среди адресатов «эпистолярного романа» были «московские тетюшки».

Продолжение следует

² Сергей Эфрон вначале учился, затем болел, потом с головой ушел в литературную и «общественную» работу.

³ В письмах Ариадны Владимиру Орлову и Павлу Антакольскому говорится, что отец, будучи разведчиком, не получал за эту работу ни франка. По-видимому, этот вопрос нуждается в прояснении на основе архивных материалов.

⁴ Переписка с «врагами народа» была страшна и чревата последствиями не только в ту людоедскую эпоху, помню, как в 70-е все, кто еще не был на пенсии, боялись переписываться с уехавшими в Израиль...

⁵ «На полу перед дверью (на Лубянке, — И. Ч.) сидела девушка на вид лет восемнадцати (Але 27 лет, — И. Ч.), с длинными белокурыми косами и огромными голубыми глазами... Одна из женщин сказала мне: — Вот, несколько дней как арестовали, теперь все время сидит у двери — ждет, что ее выпустят (комментарий, из воспоминаний Н. В. Канель).

⁶ Ариадна ответила и всем тем, кто очень хочет обвинить сына в смерти матери. Я рада, что в своей рецензии на «Дневники» Георгия Эфрона высказала схожие с А.С. мысли в защиту Мура (см. Новый Журнал, №243, 2006, а также «Чайка», №10, 2006).

⁷ Речь идет о том, что Мур якобы виновен в самоубийстве матери.

В позднейшем письме к Пастернаку Ариадна без колебаний называет Асеева «убийцей».

